

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

НЕУСТАННОЕ СЛУЖЕНИЕ СПАСИТЕЛЯ. 8:18–9:35

СЛЕДОВАНИЕ ЗА ХРИСТОМ. 8:18–22 (Лк. 9:57–60)

18 Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел ученикам отплыть на другую сторону. **19** Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл. **20** И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные – гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. **21** Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. **22** Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов.

ВЛАСТЬ ИИСУСА НАД БУРЕЙ. 8:23–27 (Мк. 4:35–41; Лк. 8:22–25)

23 И когда вошёл Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. **24** И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. **25** Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. **26** И говорит им: что вы так боязливы, малoverные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. **27** Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?

С 18-го стиха 8-й главы у Матфея начинается новый раздел. На это указывает смысловой разрыв: неопределённое, употреблённое без артикля слово ὄχλος («толпа») не может относиться к множеству страждущего народа, упомянутого в ст. 16. Завершается этот раздел обобщением в 9:35. В нём, как и раньше, приводится несколько рассказов о чудесах, однако они перемежаются различными беседами Господа и другими эпизодами. Обращает на себя внимание не только почти эскизная

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

сжатость отдельных повествований по сравнению с изложением Марка и Луки, но и строго выдержанная временная связь между ними. Отсюда становится ясным замысел Матфея: в соответствии с программой, намеченной в общем обзоре 4:23–25, он хочет дать картину насыщенной событиями, не знающей покоя жизни Иисуса, Его учительства и исцелений. Для этого Матфей избирает один день, от вечера до вечера. И ему действительно прекрасно удаётся в кратком повествовании показать читателю Господа как будто в кадрах из фильма: то на берегу Галилейского озера, то посреди него, то на другой стороне, в восточной области, то на дороге, беседующего с книжниками или учениками Иоанна, то в гостеприимном доме, куда Он приглашён, то в собственном жилище, – но нигде в уединении и покое. Весь день напролёт Он окружён друзьями, врагами и самыми разными людьми, ищущими у Него помощи как телесной, так и душевной.

(18) Марк сообщает, что описываемое событие произошло вечером (Мк. 4:35). Но это не тот вечер, о котором Матфей говорит в ст. 16, а вечер другого дня, когда Иисус произнёс великие приточные речи, приводимые Матфеем, в соответствии с построением своего Евангелия, лишь позднее (гл. 13). Понятно, что после долгого наставления народа Спаситель крайне устал и, войдя в лодку, сразу уснул и продолжал крепко спать, несмотря на сильную бурю; очевидно Он был просто обессилен (см. комм. к ст. 17). Вероятно, именно поэтому Он пожелал переправиться на другой берег, чтобы хоть ненадолго удалиться от народа.

Но покоя Ему нет ни на минуту: к Нему подходят ещё два человека со своими просьбами. Ответы Иисуса очень характерны и для Него Самого, и для той жизни, которую Он требует от Своих последователей. Лука приводит эту сцену в ином контексте (Лк. 9:57 и далее); однако вся последовательность у Матфея (стихи 18, 19, 23) указывает на то, что данный разговор случился именно теперь.

(19) Один из вопрошавших был книжник; возможно, только что произнесённые притчи побудили его серьёзно задуматься и решиться стать учеником Иисуса. Книжник принадлежал к так называемым высшим слоям общества, привыкшим к обеспеченной и удобной жизни. **(20)** Поэтому Господь сразу предупреждает его, что рядом с Ним такой жизни не будет. Уже один этот день ясно показывает, насколько у Него нет места, где Он мог бы приклонить голову после столь долгого и утомительного общения с народом. Из всех удобств для Него найдётся лишь изголовье в лодке (Мк. 4:38), – но и тут Его разбудят испуганные ученики.

Конечно, не всякого Своего ученика и не во всякое время Иисус призывает к такому же отказу от житейских удобств, какого требовали особые обстоятельства Его

мессианского служения. Кроме того, чтобы сохранять внутреннюю ровность, человеку необходима известная устроенность и уют, пусть и самые скромные. Но, вместе с тем, всегда остаётся верным и другое: чем больше христианин способен обходиться без того, что делает земную жизнь обволакивающе приятной, тем ближе он к образу жизни Спасителя и тем сильнее укрепляется в нём сознание, что в этом мире он *странник и пришелец* (2 Пар. 29:15; Евр. 13:11). Поэтому свой настоящий дом он устраивает себе в своей душе, наедине с Богом, – откуда его ничто не сможет изгнать (Ин. 16:22).

Какое решение в конце концов принял книжник, Матфей не сообщает: здесь его интересует не судьба спрашивающего, а ответ Спасителя. То же самое и в следующем эпизоде. **(21)** Второй вопрошавший уже был учеником Иисуса. Он не знал, как долго Господь пробудет на другом берегу, а дома его ожидал безотлагательный долг: похоронить умершего отца. Поэтому он просит позволения отлучиться, чтобы после возвращения Иисуса уже безраздельно присоединиться к Нему. **(22)** Но его просьба решительно отвергается: «иди за Мною и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Ближайшие родственники ученика, которых, скорее всего, имеет в виду Спаситель, по всей видимости, не веровали в Него (на тот момент, во всяком случае), и, стало быть, принадлежали к духовно мёртвым, как его умерший отец – к мёртвым телесно. А теперь, когда Тот, Кто *имеет жизнь в Самом Себе* (Ин. 5:26), Кто пришёл, чтобы люди *имели жизнь* (Ин. 10:10), Сам, вочеловечившись, пребывает на земле, – Его ученику никак не следует заниматься мёртвыми: ему надлежит так воспользоваться дарованным ему кратким временем, чтобы не упустить ни одного дня животворящего общения со Христом.

Чтобы понять, какое впечатление эти слова Иисуса должны были произвести на ученика и на всех остальных, нужно знать, с какой щепетильностью, доходившей едва ли не до крайностей, иудейская традиция относилась к оказанию умершим последних почестей. Погребение усопшего считалось строжайшей обязанностью: тот, на ком лежала эта забота, даже освобождался на это время от исполнения других важных предписаний, в том числе от положенных молитв. Это находило подтверждение в самом Законе: несмотря на то, что соприкосновение с мёртвым телом влекло за собой ритуальную нечистоту, даже священникам было позволено оскверниться ради своих почивших ближайших сродников (Лев. 21:1–3). В раввинском толковании это разрешение понималось уже как обязанность, исполнение которой при необходимости могло быть даже принудительным. Если умершего было некому похоронить, он считался «усопшим, оставшимся на попечении окружающих», позаботиться о погребении которого должен был тот, кто оказывался рядом, даже первосвященник,

хотя Закон строго запрещал ему оскверняться прикосновением к мёртвому телу, в том числе к телу собственного отца. Погребение усопших вообще считалось не только обязанностью, но и одним из наиболее достойных и заслуживающих награды дел любви. Поэтому, как свидетельствуют позднейшие раввинские источники, в небольших поселениях, когда кто-то умирал, жители прекращали работу, в знак общего траура воздерживались от приветствий и участвовали в погребении. «Когда рабби Иегúда (ок. 150 г.) видел, как выносили умершего, он обращался к своим ученикам и говорил: „исполнение Торы предшествует её изучению“», – то есть прерывал занятие, чтобы принять участие в похоронной процессии.

Тем поразительнее резкость ответа Иисуса ученику, который всего лишь скромно попросил отпустить его на несколько дней, чтобы исполнить долг сыновней почтительности, столь глубоко укоренённый в сознании народа. Ответ этот знаменателен в нескольких отношениях. Прежде всего он проливает свет на необычайное самосознание Иисуса, Который общение с Собой считает более важным, чем самые нежные и глубокие узы сердца и родства и вытекающие из них нравственные обязанности (ср. 10:34 и далее). Такое самосознание тем труднее объяснить, что Иисусу вообще были свойственны тонкость чувства, смирение и расположенность к просьбам людей; психологически понять это можно, лишь признав, что Его самосознание было Божественным (ср. комм. к 10:42 и далее). Но этот ответ показывает и то, насколько последователен Иисус в Своих требованиях к тем, кто присоединился к Нему, – с такой неуклонной последовательностью мы встретимся ещё не раз. При этом, однако, следует помнить, что перед нами исключительный случай: здесь Иисус, очевидно учитывая внутреннее состояние ученика, особо призывает его воспользоваться кратким временем Своего земного пребывания среди людей. Поэтому слова Спасителя нельзя безоговорочно переносить, например, на выбор монашеского пути или на другие жизненные решения такого рода, когда в конечном счёте речь идёт о свободном определении самого человека, взвешивающего все обстоятельства за и против. Но бывают случаи, когда столкновение, например, пастырского долга или обязанности исповедовать веру с земной целесообразностью требует решительного отвержения последней. Не менее поразительно в этих словах Иисуса и то, насколько резкую черту Он проводит между теми, кто принадлежит Ему, и теми, кто не верует в Него: «предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Иисус не идёт на компромиссы. Потому люди и уготовили Ему ту участь, какую обычно уготовляют таким непреклонным героям. Но потому и Бог превознёс Его.

Здесь впервые мы слышим из уст Иисуса, как Он именует Себя «Сыном Человеческим» (ст. 20). Значение этих слов само по себе далеко не очевидно, а бесчисленная посвящённая им литература сделала их ещё менее ясными. Прежде всего нелепо утверждение критиков, будто этот титул был усвоен Иисусу первохристианской общиной лишь позднее. Оно противоречит прямому историческому свидетельству всех евангелистов, передающих это выражение именно как самоименование Иисуса. Кроме того, трудно даже представить, чтобы первоначальная община, всё стремление которой, по мнению тех же критиков, состояло в том, чтобы возвысить своего Учителя до *Kyrios*, до «Господа и Бога», дала Ему подчеркнуто скромный титул «Человек» (арамейское «Сын Человеческий» означает просто «человек»). Примечательно, что это столь частое во всех Евангелиях выражение – у одного Матфея оно встречается тридцать раз – почти не прилагается к Иисусу извне как титул или характеристика, а звучит именно из Его собственных уст как самоопределение. Вместе с тем очевидно, что Иисус не употреблял это необычное словосочетание просто как замену местоимению «Я». Едва ли можно предположить и то, что Он хотел тем самым обозначить Себя как некоего идеального человека в особом, высшем смысле, – ни в гуманистическом понимании, то есть как того, кто в максимальной степени воплотил в себе идею человека, ни в религиозном, как того, кто совершеннее всех на земле исполнил волю Божию и потому был особо избран Богом. Иисус ясно сознаёт Себя несравненно бóльшим, чем просто человеком, особо облагодатствованным Богом. Тем более Его самоименование не имеет ничего общего с частым обращением Бога к пророку Иезекиилю: «сын человеческий», – обращением к слабому человеку, которому Бог вверил тяжёлое пророческое служение.

Сам Иисус между тем показывает, откуда Он берёт это выражение. Когда Он говорит о Себе как о «Сыне Человеческом, грядущем на облаках небесных» (Мф. 26:64), Он явно ссылается на пророка Даниила: *Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шёл как бы Сын человеческий, дошёл до Ветхого днями и подведён был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится* (Дан. 7:13–14). Правда, в этом видении Даниила о великом Царстве Божиим, которое должно сменить языческие царства, под образом «как бы Сына человеческого», согласно объяснению самого Даниила (Дан. 7:18), первоначально подразумевалось не отдельное лицо, а весь народ Божий – «святые Всевышнего». Но уже древняя синагога истолковывала этот образ мессиански, о чём свидетельствует ряд раввинистических изречений. Такое же

толкование встречается и в так называемой Третьей книге Ездры, датируемой концом I века по Р. Х., а впервые – в притчах Книги Еноха (гл. 38–71), написанной, как полагают, в I веке до Р. Х. Там уже неоднократно говорится о Сыне Человеческом – Мессии. Автор этой книги не обходит вниманием вопрос, откуда происходит такое отождествление. Ответ он находит в том, что «Сын Человеческий» есть «сын потомства матери живущих», под которой может подразумеваться только Ева. Следовательно, уже в Быт. 3:20 усматривается пророчество о грядущем Мессии – подобно тому, как впоследствии это толковала христианская Церковь. Всё это позволяет понять, почему Иисус избрал именно это выражение для Своего самоименования. Он – тот Человек, Которого определил предвечный Совет Божий и о Котором Бог ещё со времени грехопадения возвещал через Своих пророков; тот *второй человек* (1 Кор. 15:47), Кто, подобно всем рождённым на земле людям, происходит от «матери всех живущих», но вместе с тем приходит «на облаках небесных», то есть от Бога, чтобы восстановить среди людей рай и Царство Божие, разрушенные грехом *первого человека* – Адама.

Разумеется, Иисус не заимствовал Своих мыслей из Книги Еноха. Но эта книга, хотя и не богодухновенная, показывает развитие тех положений Откровения Божия, с которыми Иисус связывал Своё самоименование. Впрочем, критики и здесь выдвигают возражение. Если Иисус столь часто и открыто употреблял в отношении Себя слова «Сын Человеческий» как Свой мессианский титул, то как согласовать это с тем, что именно во время Своего галилейского служения Он намеренно скрывал от народа Своё достоинство Мессии? После исповедания Петра «Ты Христос, Сын Бога Живого» Он подчёркнуто «запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» (Мф. 16:20). Даже бесам, которые устами одержимых нередко называли Его «Сыном Божиим», Он всякий раз повелевал молчать. Однако это возражение разрешается довольно просто. Хотя, как было показано выше, мессианское толкование приведённого места из Даниила было известно уже древней синагоге, широкого распространения оно всё же не получило. Во всей многочисленной апокалиптической литературе до и после Христа, кроме одного места в Третьей книге Ездры и нескольких позднейших мест в Талмуде, оно встречается только в Книге Еноха. Более того, лишь одна эта книга прямо усваивает Мессии титул «Сын Человеческий». Такая прикровенность этого титула решала двоякую задачу. С одной стороны простой народ – от которого Спаситель до времени хотел скрыть Своё мессианское достоинство, чтобы тот, восприняв его чисто земным образом, не делал ложных выводов – не понимал этого выражения. С другой стороны, более

образованные люди, напротив, могли вполне понять его. И им Иисус с самого начала хотел дать повод задуматься о Нём – это показывает не только Евангелие от Иоанна (ср. гл. 3), но и синаптики.

То, что Иисус так охотно употреблял именно это самоименование – «Сын Человеческий», «Человек», – вновь позволяет нам проникнуть в Его мысли и чувства. Мы снова видим Его любовь к человеческому роду, куда Он вошёл через длинную череду поколений, восходящую к глубокой древности (ср. комм. к 1-й гл.). Не ошибёмся мы и заключив отсюда, насколько всеобъемлюще Он ощущал Свою принадлежность к человечеству. Он не только воспринял всю полноту нашей природы со всем, что ей свойственно, кроме греха (ср. Евр. 4:15), но и всецело подчинил Себя Закону, как обыкновенный человек (см. комм. к 3:15; 8:4 и др.). Он изволил всю Свою земную жизнь разделять тяготы человеческого существования – от бедности вифлеемских яслей и трёх десятилетий трудовой жизни в Назарете до утомительного служения и мучительной смерти на кресте. Как жизнь и деятельность всех людей стеснены узкими рамками, положенными им земной участью, так и Он совершал Своё великое спасительное дело, ограниченный пределами небольшой земли Израиля и временем, в которое Отцу было угодно поместить Его. Всё это Иисус ощущал особенно глубоко – всем Своим бесконечно богатым и всеобъемлющим духом и Своим любвеобильным сердцем, стремившимся всем щедро помогать и давать.

Но в совершенной полноте Он как человек исполнил первый и самый трудный человеческий долг – послушание Богу. Воле Отца Он следовал в каждый момент Своей жизни, как воин следует предписанному ему пути. Потому Он и обладал столь глубоким состраданием ко всякому горю других людей, даже к страданию, связанному с грехом, и как бы впитывал всё это в Себя (см. комм. к 8:17), – чтобы в конце концов вознести всё это вместе с Собой на крест, где Он как Богочеловек искупил нас. И потому Он действительно стал для нас идеальным Человеком, в Котором первоначальный замысел Божий о людях достиг своего полного осуществления; Человеком, до высоты Которого не способен подняться никто другой, но из совершенного человечества Которого для каждого из нас, в каком бы положении мы ни находились, исходит поток света и силы. Он – величественный образец для всех людей, недостижимый и всё же вновь и вновь влекущий нас, Его же благодатью, устремляться к Нему. Тем печальнее и непонятнее, что большинство тех, кто носит Его имя, так мало Им интересуется, вместо того чтобы сделать Его жизнь примером для всей своей жизни. И столь же прискорбно, что многие из тех, кого этот упрёк не касается, черпают своё знание о Христе из третьих и четвёртых рук, вместо того чтобы

обращаться к богодухновенным источникам четырёх Евангелий, полноту которых невозможно исчерпать.

Беседы с книжником и с учеником, вероятно, происходили в то время, когда лодку готовили к отплытию. Обе, скорее всего, были совсем недолгими. **(23)** Едва лодка отошла от берега, как Иисус, лежавший, по рассказу Марка, на подушке в её кормовой части, погрузился в глубокий сон. Это была усталость после напряжённых трудов долгого дня – утешительный образ для каждого, кто изнемогает в служении Богу. **(24)** Тут начинается буря на озере. Его голубая гладь, обычно спокойная, лежит в глубокой котловине – на 208 метров ниже уровня Средиземного моря, – между горами, которые с востока и юго-запада местами подходят к самому берегу, поднимаясь примерно на 300 метров; между ними простираются равнины, в древности усеянные цветущими городами. Галилейское озеро вытянуто с севера на юг приблизительно на 21 километр, ширина его достигает 12 километров, а глубина – около 44 метров; по своей живописности оно ничем не уступает швейцарским озёрам. Но эта мирная картина резко меняется, когда в котловине разыгрывается ветер. Тогда волны яростно вздымаются, и никто не решается выйти в море.

Именно в рассказе об этом событии Матфей особенно ярко проявляет себя как мастер стиля. Он опускает всё второстепенное и сжато выстраивает повествование, придавая ему мощь и подлинный драматизм. Если и можно говорить о литературной зависимости евангелистов друг от друга, а не только от общего для них предания, то как раз этот эпизод (равно как и следующий) показывает, что не Матфей сократил Марка, а, напротив, Марк расширил изложение Матфея, вставив детали, сами по себе более живописные и интересные, но несколько ослабив тем самым силу, цельность и лаконичность всего рассказа.

«И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами»; у Марка: «и поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою» (Мк. 4:37). «А Он спал». Как спокойно спит Господь среди разбушевавшихся стихий! Нередко кажется, что Бог спит именно тогда, когда в Нём больше всего нуждается Церковь, или теснимый бедствиями человек. Но Бог попускает такое лишь для того, чтобы испытать мужество и веру Своих. Правда, нередко причина бывает и в том, что спят сами люди и не делают того, что в их силах.

Ученики, впрочем, попытались сделать всё возможное. Но перед яростью ветра и волн они бессильны. Вся их растерянность и отчаяние выражены в отрывистых, следующих один за другим криках о помощи: **(25)** «Господи – спаси – погибаем!» Вера у них, конечно, есть – иначе они не именовали бы Его «Господом» и не просили бы о

помощи. Но насколько мала у них эта вера, показывает слово «погибаем». Будто Он мог погибнуть вместе с ними! Иисус просыпается. Поднимаясь, Он прежде всего обращается к ученикам: **(26)** «Что вы так боязливы, маловерные?» Господь не терпит малодушия: оно глубоко противно самому Его духу, а корень его – недостаток веры. Спаситель имеет здесь в виду не только вообще веру в промысл Божий. Их возглас «погибаем» свидетельствует о том, что у них ещё нет веры в Него Самого, в то дело, которое поручил Ему Отец. Как дело Божие не может погибнуть, так и Он не может умереть прежде, чем исполнит порученное Ему Богом. И точно так же не могут погибнуть те, кто вместе с Ним трудится над этим делом.

Такой твёрдой веры Господь во все времена требует от каждого, кто каким-либо образом трудится для Его Царства. Церковь не может погибнуть, даже если погибну я. Но и я останусь, вопреки всем внешним опасностям и всей своей немощи, пока не исполню задачу, которую поставил передо мною Бог. А когда исполню её, я и тогда не погибну, но войду в полноту своего совершенства (Иак. 1:4; Еф. 4:13). Такова была вера мучеников.

Теперь Иисус поднимается во весь рост и, как полководец посреди сражения, властным голосом обращается к ревающим и бушующим стихиям – буквально «запрещает ветрам и морю». «И сделалась великая тишина. **(27)** Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?» Что это были за люди, евангелист предоставляет угадывать читателю. Апостолов здесь он вряд ли мог иметь в виду. Вероятно, речь идёт о людях в других лодках, которые, по Марку, плыли вместе с ними (Мк. 4:36), хотя у Марка и сами апостолы выражаются сходным образом.

Иисус всё полнее являет Свою власть. Проказа отступает от прикосновения Его руки, горячка проходит со всеми своими проявлениями, Его слово исцеляет даже на расстоянии. А теперь Он повелевает ревающим морским волнам – и они утихают и смирятся, словно послушный пёс. Верующий христианин знает, что та же власть принадлежит Спасителю и ныне. Пусть теперь Он лишь изредка являет её в столь очевидных чудесных знамениях, как тогда, когда ходил по земле, – втайне Его всемогущая десница по-прежнему управляет всем происходящим. Поэтому верующий не теряет присутствия духа, даже когда буря судьбы потрясает его и валит с ног. Он твёрдо держится за Христа и дерзновенно исповедает: *«но я всегда с Тобою: Ты держишь меня за правую руку»* (Пс. 72:23).